

Иными словами, точка зрения Державина на поэзию и живопись — сходна с точкой зрения и Дидро, и Винкельмана.

Вспоминая начало своей литературной деятельности, Державин писал о себе так: «Он хотел подражать г. Ломоносову, но как талант сего автора не был с ним внушаем одинаковым гением, то хотел парить, не мог выдерживать постоянно красивым набором слов, свойственного единственно российскому Пиндару велеления и пышности. А для того с 1779 г. избрал он совсем особый путь, будучи предводим наставлениями г. Баттэ и советами друзей своих: Н. А. Львова, В. В. Капниста и И. И. Хемницера, подражал более Горацию».¹

Итак, гений Державина не был гением риторической поэзии. Его образцом стал Гораций, уподоблявший поэзию живописи. Вряд ли кто-нибудь принял изречение «ut pictura poesis erit» более охотно и безоговорочно, чем этот поэт, по вине случая не ставший живописцем.

В центре внимания Державина оказался не «красивый набор слов», а картина или образ, который надлежало выразить словами.

Пытаясь подражать «высокому парению» Ломоносова в оде «На бракосочетание», Державин невольно увлекся картиной фейерверка. Подражая Ломоносову, он писал оду «На рождение на севере порфиородного отрока» (1777), но найдя, что она не соответствует его дарованиям, он заменил ее «аллегорическим сочинением», т. е. рядом картин, сопоставление которых должно было уяснить читателю идею оды:

«С белыми Борей власами
И с седою бородой,
Потрясая небесами,
Облака сжимал рукой. . .
. . . . .
Засыпали нимфы с скуки
Средь пещер и камышей,
Согревать сатиры руки
Собирались вокруг огней. . .»

Аллегория осени в этой оде может быть поставлена в параллель с некоторыми живописными аллегориями на ту же тему. Укажу, например, эскиз плафона Лагренэ младшего с изображением Эола, который спускает ветры с цепей и превращает в лед воду, струящуюся из урн речных божеств.²

¹ Автобиографическая записка 1803 г. Собр. соч. под ред. Я. Грота, т. VI, стр. 443 (прим.).

² Эскиз 1775 г., воспр. Charles Blanc. «Histoire des peintres. École française», 1862, t. II.

Братья Лагренэ жили в Петербурге в 1760—1762 гг., где исполнили множество заказов. Лагренэ младший оставил здесь ряд гравюр со своих работ (Врангель. Иностранцы в России, 1911, стр. 13—16).